

С. Тхоржевский

Высокая лестница

Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском
М., "Книга", 1986
OCR Ловецкая Т.Ю.

Глава первая

Незадолго до смерти своей Иван Сергеевич Тургенев написал поэту Якову Петровичу Полонскому: *"Никогда ничего неожиданного не случается - ибо даже глупости имеют свою логику"*.

Не знаем, что ответил Полонский. В сущности, ответом была его собственная жизнь, полная противоречий - неожиданных, если глядеть со стороны. Но если вникнем - увидим, что в жизни поэта все имеет свою логику: взлеты и падения, житейская повседневность и музыка впервые зазвучавшего стиха.

На расстоянии прошедших лет, уже зная, что к чему привело, зная, как все началось и чем завершилось, мы можем ощутить в минувшем драматический сюжет и, главное, логическую закономерность всего, что в жизни поэта было существенно - для него и для нас, - всего, что сложилось не только из личного стремления наполнить жизнь высоким смыслом, но также из неумолимых обстоятельств, обусловленных ходом истории, который, как известно, называли и океанской волной, и жерновом, и ветром, и бог знает как.

Я хочу рассказать о судьбе поэта. Для меня важно, что был он не только талантливым, но, по единодушному свидетельству современников, светлым и добрым человеком. Иначе бы я и не взялся за перо.

Начнем не торопясь, издалека - с лета 1838 года. Представим себе, как на телеге, запряженной парой лошадей, долговязый юноша Яков Полонский добирался от Рязани до Москвы. Добирался почти двое суток.

Ямщик привез его на постоялый двор. В еще незнакомой ему столице юноша разыскал дом своей двоюродной бабушки - обычный одноэтажный дом с мезонином. В мезонине бабушка разрешила ему поселиться, сюда он внес дорожный чемодан и подушку - других вещей у него не было.

Он очень хотел поступить в университет и боялся, что не примут. Был он нетверд в математике и в языках: французском и латыни. В рязанской гимназии учился неважно, дома ему в учении мало чем могли помочь. Отец был мелким провинциальным чиновником, никто в семье образованностью не отличался.

И вот вступительные экзамены в новом здании университета, в большом зале с белыми колоннами.

Яков Полонский блеснуть познаниями здесь не мог. Все же его приняли! Приняли на юридический факультет. Правда, никакого интереса к юриспруденции он не испытывал и, если бы сносно владел иностранными языками, предпочел бы словесное отделение философского факультета... Но согласен был и на юридический.

С радостью надел он студенческую форму: серую шинель с голубым воротником и треугольную шляпу.

Своих денег у него, разумеется, не было. Просить у отца, обремененного большой семьей, совестился. Но кормился Яков у бабушки, так что можно было жить и без денег. В университет ходил пешком. Зимой на улицах ускорял шаг, чтобы не мерзнуть в своей легкой шинели. "Я считал себя богачом, - вспоминал он много лет спустя, - если у меня в жилетном кармане заводился двугривенный; по обыкновению я тратил эти деньги на кофе в ближайшей кондитерской: в то время не было ни одной кофейной, ни одной кондитерской, где бы не получались лучшие журналы и газеты, которых не было и в помине у моей бабушки", - и он не упускал возможности открывать для себя все то новое, что появлялось на печатных страницах. В первую очередь - новое в русской поэзии.

Яков Полонский и сам уже сочинял стихи. Он показывал их всем, кого ни встречал, и близко к сердцу принимал любые отзывы: похвальные, критические и насмешливые. Друзья-студенты о его поэтических опытах, конечно, знали. Ему запомнился случай: "В какой-то аудитории я сидел на одной из задних скамеек и уронил книгу. Когда я нагнулся поднять ее, кто-то из числа моих товарищей довольно громко произнес: "Поэт упал с подмостков". Это произвело легкий смех и сильно меня сконфузило..."

Но не каждый раз он забирался на заднюю скамейку и рассеянно, вполуха воспринимал, о чем говорилось на кафедре. С увлечением слушал Полонский лекции профессора Крюкова по древнеримской